

Ален Блио

МЫ НЕ ТВОИ

СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Элен Блио

МЫ НЕ ТВОИ

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70137685
SelfPub; 2023*

Аннотация

– Уходи, Надя, ты мне не нужна!– Но почему, Ильяс, ты же...– Ты что, не понимаешь? Ты сама говоришь, что ты маленькая, некрасивая, бедная девочка. А я скоро вылечусь и все у меня по-прежнему будет зашибись! И зачем ты мне нужна?– Но...– Убирайся вон! Я думала он любит меня, а он всего лишь играл со мной. Я сделала так, как он хотел – ушла, ничего не сказав о ребенке. Мы встретились снова, и я была уверена, что он меня не узнает, но я жестоко ошиблась...

Содержание

Глава1	4
Глава2	12
Глава3	21
Глава4	31
Глава5	39
Глава6	50
Глава7	58
Глава8	72
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Элен Блио

Мы не твои

Глава 1

– Уходи, Надя, ты мне не нужна!

– Но почему, Ильяс, ты же...

– Потому! Ты что, не понимаешь?

– Нет, – мой голос дрожит, срывается, потому что я действительно ничего не понимаю.

– Ты маленькая, некрасивая, бедная девочка, без образования и перспектив. А я... Я скоро встану на ноги, сделаю операцию, снова смогу видеть, и все у меня по-прежнему будет зашибись!

Дрожу, понимаю, что надо что-то сказать, но не могу открыть рот. Со мной иногда так бывает. Просто замыкаюсь. Стою как столб, словно... словно до меня дотронулись ледяным посохом, и я замерзла насмерть.

Если бы насмерть!

– Надя, ты здесь?

Молчу. Нет меня, Ильяс! Просто нет. Ты меня уничтожил. Я держу в руках пластиковую коробочку с тестом, на котором две полоски. Но ты об этом уже не узнаешь и... Бог тебе судья.

– Надя! Отвечай! Чёрт... Ты где?

Он поворачивает коляску, вижу, как сильно сжаты челюсти. Щетина, которую он не брил уже три дня. Раньше его приходилось брить мне. Сам он не мог, не мог выбрить подбородок так чисто, как ему хотелось. Он нервничал, ругал меня, бесился, если вдруг я неловко задевала его шрамы.

– Надя! – он орет во весь голос, а мне даже смешно!

Наивный, глупый воробушек! Понадеялась на счастье? Захотела быть любимой? Думала, если он инвалид, слепой, значит ты сможешь его окрутить?

Некрасивая, жалкая, глупышка.

– Надя... – а теперь он говорит совсем тихо, – Воробушек, если ты еще тут, ответь мне, пожалуйста!

И снова дикий крик:

– Ответь! Надя!!!

А я молчу, уже не потому, что не могу ничего сказать, мне просто сказать нечего, слезы струятся по щекам, и я позволяю им течь...

– Надя, я слышу, как ты плачешь! Я чувствую! Воробушек, ответь...

– Я все поняла Ильяс. Не надо кричать. Я ухожу. Просто... мне нужен расчет. Твой брат обещал заплатить неустойку, если...

– Тамерлан все заплатит, не переживай.

– Я... не переживаю... – разве мертвые могут переживать?

Я ведь умерла. Он убил меня.

– Да, если ты вдруг, ну... будут последствия нашей ночи... наших... ночей, ты... скажи Тамерлану он... он даст тебе денег.

– Денег? – я не могу понять, что он имеет в виду, но сердце заранее останавливается, потому что я догадываюсь, это что-то нехорошее, очень, очень нехорошее...

– Да, денег, чтобы ты... чтобы ты избавилась...

Он замолкает, не договаривая, но я уже знаю, что он хотел сказать.

Эти маленькие алые полоски в белом контейнере. Он говорит о них. Он хочет избавиться от них...

Но это не ему решать! А мне!

Я гордо вскидываю подбородок, забывая на мгновение о том, что он меня не видит.

– Все нормально, Ильяс. Все в порядке, можешь не беспокоиться.

Теперь его очередь молчать. Ну и пусть.

Я понимаю, что он уже все мне сказал.

– Прощай, Илик. Будь счастлив.

– Прощай...

Он выворачивает колеса так, чтобы оказаться ко мне спиной. А я...

Я не могу по-другому! Очень хочу, но... просто не могу!

Подбегаю к нему сзади, обнимаю за шею, прижимаю к себе, разворачиваю, целую, как сумасшедшая целую его изуро-

дованное лицо, которое кажется мне самым красивым.

– Я люблю тебя. Илик, слышишь! Люблю! Мне ничего не надо было, просто любить тебя и все! Люблю!

Целую в последний раз, чувствую, что его руки уже гуляют по моему телу. Может быть сейчас он скажет мне – останься? Заберет все слова обратно? Снова будет моим? Хоть на час! Хоть на день!

Но что потом? Он ведь правду сказал. Я некрасивая, маленькая, глупая девочка, а он...

Поэтому я отталкиваю его руки и бегу, бегу прочь из его комнаты, прочь из этого негостеприимного дома.

Уже на улице останавливаюсь, дышу тяжело, в боку колет. И только там понимаю, что где-то в комнате выронила тот крошечный пластиковый контейнер с тестом...

Мои две полоски...

Пять минут подышать свежим воздухом, и надо снова вернуться в дом. Собрать вещи.

Выбегаю из комнаты, наспех побросав одежду в сумку. Да у меня тут почти и нет ничего. Так, рабочая форма, пара платьев, джинсы. Хотя я прожила в доме Умаровых почти год.

Самый ужасный год в моей жизни. Или нет, не самый. Самый ужасный был, когда мама погибла. А это – так.

Работа. Рутинa. Тяжелый пациент. Тяжелый не в смысле его состояния, хотя в начале оно действительно было совсем

не легким.

Последствия взрыва. Слепота, перелом позвоночника, ожоги. Долгий путь восстановления.

И тяжелый характер.

Мой пациент Ильяс – злой, нетерпимый, грубый, резкий.

Сначала я думала о том, что справлюсь, пересилю себя.

Заставлю его измениться, стать другим.

Ильяс не изменился. Изменилась я.

Влюбилась в него. В этого колючего, неприятного, жестокого парня.

Пожалела? Нет. Дело не в жалости.

Просто... он красивый. Несмотря на то, что в инвалидном кресле, несмотря на слепоту и шрамы на лице.

Очень красивый.

И умный. И талантливый. Я видела его фотографии, рисунки, макеты зданий, которые он придумывал...

Он лучший...

А я – глупая, романтическая девчонка, которая возомнила себя Бог весть кем.

Взяла на себя роль вершителя судеб. Думала, что нежностью, лаской, заботой, любовью можно все исправить.

Все – да не все. Не исправишь самого главного.

Он так и останется красивым богатым парнем. А я... я некрасивая, бедная девочка.

Глупый воробушек.

– Надежда, вы что уезжаете?

– Тамерлан Александрович... – от неожиданности чуть сердце не выпрыгивает. – Я как раз собиралась зайти к вам.

– Что случилось? Ильяс опять вас обидел?

– Нет! – отвечаю слишком быстро и резко, – нет, что вы... он меня вообще никогда не обижал...

Опускаю голову, потому что не могу врать. Обижал, еще как. И его брат Тамерлан прекрасно об этом знает.

– Так что случилось, Надя?

– Мне нужно уехать. Срочно. Дома... ждут.

И снова вранье. Никто меня не ждет. Да и дома-то у меня никакого нет.

– Но вы вернетесь, Надя? Вы нам очень нужны.

А вот он искренен. Не раз мне говорил, что я для них – подарок судьбы, что только мне удастся справиться с характером Илика.

Но не в этот раз.

– Извините, Тамерлан Александрович, но я...

Как я ему скажу, что ухожу навсегда? Что Ильяс вычеркнул меня из своей жизни, да еще и предложил деньги, если вдруг окажется, что я беременна?

А я именно беременна. И деньги на то, чтобы как он сказал решить эту проблему я, конечно не возьму.

И решать не буду. Потому что для меня это не проблема! Это радость и счастье.

– Я вернусь. Да. Вернусь через две недели. Я просто... в отпуск. Хорошо?

По тому как Тамерлан сжимает челюсти я понимаю, что он догадывается – возвращаться я не собираюсь.

– Надя, вы меня извините, у меня сейчас нет времени, чтобы поговорить с вами спокойно, все обсудить. Но у вас же есть мой телефон, да? И у меня есть ваш. Мы созвонимся, встретимся и поговорим.

– Да, хорошо, я... – как всегда не могу начать разговор о деньгах!

А мне очень они нужны! Хотя я за время работы у Умаровых уже скопила приличную сумму. Тамерлан оплачивал мой труд более чем достойно.

– Деньги на ваш счет я перечислю сегодня же. Не волнуйтесь. Отдохните, Надя, и возвращайтесь. Вы ему очень нужны.

– Да. Спасибо.

Я уже услышала, как я ему нужна.

Но это не важно. Я все равно люблю его и буду любить. И буду молиться, чтобы он скорее встал на ноги, и чтобы операция на глаза прошла успешно.

– Надежда, вас нужно куда-то отвезти? Я могу дать водителя?

– Нет, спасибо. Я могу на такси.

Тамерлан кивает и заходит в кабинет.

А я...

Я все-таки решаюсь вернуться в комнату Илика.

Забрать несчастные две полоски – тест, который я выро-

нила там.

Тихонько открываю дверь и... замираю.

И снова умираю внутренне.

В его комнате стоит девушка, Алиса, его бывшая однокурсница, очень красивая. И... на ней совсем нет одежды.

Алиса поворачивает голову, наши взгляды встречаются. В ее глазах торжество.

Да, она победила. Бедный некрасивый воробушек улетает.

Он знает свое место.

И это место не рядом с красивым богатым парнем.

– Алиса, кто там?

– Никого нет, Ильяс. Просто... сквозняк.

Я закрываю дверь.

Она права – никого нет. Я никто, я для него никто.

Больше мне тут точно нечего делать. А тест на беременность – горничная поднимет и выбросит. Это не важно.

Для Ильяса это не имеет никакого значения.

Глава 2

ИЛЬЯС

– Какие две полоски? Ты о чем, Гуля?

Понимаю, что мой голос срывается, потому что я прекрасно знаю о чем говорит домработница Гуля, которая регулярно убирает мою комнату.

Тест на беременность. Только на нем ведь бывают эти самые две полоски?

Если только она не нашла в моей комнате шкурку убитого бурундука...

И я еще могу шутить? Кретин...

Значит...

Надя меня обманула? Чёрт, чёрт, чёрт!

Со всей дури луплю кулаком по подлокотнику ненавистного инвалидного кресла.

Идиот, кретин! Что я наделал? Зачем вообще полез к этой девочке? Она ведь совсем маленькая, глупая, ей всего девятнадцать лет! Она жизни никакой толком не видела!

А тут я, со всеми своими проблемами! Слепой калека, урод!

– Ильяс, успокойся, пожалуйста...

– Где она, Гуля? Где?

– Как где, Ильяс? Надя же уехала три дня назад? Тамерлан Александрович сказал, что у нее отпуск, и...

– Брат! Он дома? Он нужен мне, срочно! Отвези меня к нему!

– Тамерлан Александрович уехал в офис, утром, как всегда...

Чёрт... конечно. Он в офисе. Он работает! Это только я никому не нужный бесполезный кусок мяса.

Хотя, почему бесполезный? Совсем нет! Принес вот пользу! Ребенка заделал одному маленькому воробушку...

И что мне теперь делать? Как мне ее найти? Как вернуть?

Я ведь...

Дурак. Идиот!

Что я ей наговорил?

Тру руками лицо, сдергивая очки, тру с силой, забывая о шрамах, не обращая внимание на боль.

Мне давно плевать на боль. Она как само собой разумеющееся. Мое наказание.

Только раньше я наказывал себя. А теперь, получается, наказал Надю?

Зачем я был так жесток?

Да, я хотел, чтобы она ушла. Понимал, что по-другому не будет. Она не бросит меня сама. Ни за что.

Пожертвует всем, о себе забудет лишь бы быть рядом.

Не из жалости. Нет.

Ей кажется сейчас что она меня любит. Глупый мой во-

робушек.

Меня нельзя любить. Я не заслуживаю любви!

А она... она заслуживает весь мир к своим ногам.

Мир, который я не могу положить.

Я и наговорил ей это все, потому что...

Потому что на фига ей в девятнадцать лет такая обуза как я? Слепой калека?

Да, я знаю, что доктора дают хорошие прогнозы. Мне только нужно поработать над собой. Мне надо... как там сказал этот врач? Товий Сергеевич? Тот самый, который порекомендовал нам мою Надю?

Нужно вылезти из своей скорлупы? Перестать цепляться за прошлое, за боль и обиды?

А как не цепляться, если я уничтожил свою семью? Сломал жизнь брату? Отец умер из-за меня. Мать страдает...

Я не встаю с этой коляски не потому, что не могу! Я знаю, что смог бы! И восстановить зрение тоже, в принципе, можно!

Но я не буду. Я заслужил именно такую жизнь. Недожизнь. Жизнь, в которой я каждый день расплачиваюсь за свои поступки.

Несу наказание за свою гордыню, зависть, алчность.

Поэтому еще и прогнал ее.

Я не имею права на счастье. Никакого права.

Я думал, если причиню ей боль своими словами, выгоню,

то она... она будет обижена. Со временем поймет, какое я ничтожество, поймет, что любить меня нельзя. Забудет все как страшный сон и будет жить дальше.

Веселый, счастливый, прекрасный мой воробушек.

Она говорит, что некрасивая, но я-то знаю какая она красавица! Чувствую! Она прекрасна внутри, и хороша снаружи. Пусть я не вижу ее глазами, я вижу сердцем!

Вернее, видел. Теперь все. Ее нет.

Но я обязан ее вернуть. Если она ждет ребенка – я обязан!

Помогать, быть рядом, дать малышу свое имя, заботится о нем и о ней, о моей Надежде.

Я должен сделать все, чтобы она простила меня и вернулась! Все!

Достаю телефон, отдаю команду набрать номер.

– Там? Ты мне нужен. Срочно! Надо разыскать Надю. Я знаю, что она уехала! Я говорю, что надо ее разыскать! – ору, как сумасшедший! Понимаю, что так нельзя, дышу тяжело, – Прости брат. Это на самом деле важно. Надя, она... Она ждет ребенка от меня...

(Прим. автора) Для тех, кто читал или читает книгу "Я не твоя" – события в книге "Мы не твои" сейчас с Надей происходят примерно через год после расставания Тамерлана и Зои – через некоторое время после возвращения Тама

и Ильяса с Кипра.

НАДЕЖДА

– Надюш, может, ты мне объяснишь все-таки, что случилось?

– Извините, Товий Сергеевич, я ведь все уже объяснила? Хочу вернуться домой.

– Домой. Ясно. – высокий, огромный как медведь мужчина в медицинской форме и халате встает с кресла, обходит стол, становится напротив меня. – Ясно, что ничего не ясно, Надежда, мой компас земной. Давай, рассказывай, что у тебя произошло с Умаровым?

Меня бросает в краску, потому что доктор, которого в отделении и в клинике за глаза зовут Громозека, как героя известного мультфильма, попал прямо в точку.

Произошло. С Умаровым. С пациентом, сиделкой и глазами которого я была целый год.

– Товий Сергеевич...

– Надь, ну что ты так официально-то? Сколько раз говорил, не чужие же люди? Мы с твоим отцом были как братья, а ты... Давай-ка садись, выложишь все начистоту, и мы решим проблему, да?

Он говорит так просто, по-доброму, что сразу хочется плакать. И все рассказать.

Но я не могу.

Как я скажу, что влюбилась в пациента? Пренебрегла своим профессиональным долгом?

– Я просто устала. Вы же знаете характер Ильяса? С ним сложно...

– Сложно? Мне казалось, вы нашли общий язык, разве нет? Когда я осматривал его в последний раз, то...

– Мне тоже казалось, но...

– У вас что-то было?

– Нет! – отвечаю так быстро и резко, что дяде Товию, конечно, все понятно.

– Так... Ну, на правах, так сказать, твоего... опекуна что ли, я должен, наверное, поехать к нему и потребовать сатисфакции?

– Что?

– Я устроил к нему на работу маленькую, насколько я понимаю невинную девочку, ну, ну, не смущайся, я врач, мне можно. А этот... мажор что устроил?

– Я сама...

– Что? Ты? Сама? Ты мне то не рассказывай! Эх... воробушек ты мой, воробушек... Я позвоню Тамерлану и поговорю с ним.

– Нет! – на этот раз говорю твердо. – Пожалуйста, нет...

– Надюша...

– Я прошу. Я все равно уеду. И мне от него ничего не надо. Совсем.

– Так... Есть последствия?

Ох, от Громозеки ничего нельзя скрыть. Он словно рентген, или нет, новейший аппарат МРТ – магнитно-резонансная томография. Все видит, все понимает.

– Дядя Товий, пожалуйста... не надо ничего им говорить! Я не хочу, чтобы они знали! Он сказал... он мне сказал, чтобы я... избавилась...

Не могу сдерживаться, слезы прорываются, я как в детстве закрываю рот ладошкой, реву.

Товий встает со своего кресла, подходит ко мне, обнимает, прижимая к широкой груди.

– Ну, ну, малышка, не надо... Не плачь, в твоем состоянии это еще и вредно. – он усаживает меня на банкетку, садится рядом, гладит по голове, – Так... что же мне с тобой делать? Уверена, что хочешь уехать? Ты же можешь вернуться в клинику? Устроим тебя официально. Поработаешь, пойдешь в декрет, получишь деньги декретные. Жить можешь у нас, Геля будет рада, ну или... найдем какой-то вариант. А этому... этому горе-папаше знать не обязательно, если он разбрасывается такими заявлениями, то...

– Я боюсь тут оставаться. Если он узнает, что я оставила малыша?

– А как он узнает?

– Да просто... Тамерлан Александрович же совладелец этой клиники?

– Да, точно... Ну, я могу устроить тебя в другое место. У меня много знакомых. Ты хорошая медсестра. С работой

проблем не будет.

Я понимаю, что Товий Сергеевич прав. Я вполне могу остаться в столице. Работать. Жить.

Не думаю, что Ильяс захочет меня разыскать.

– Решай, воробушек! Можешь поехать, куда ты там собралась, к тете? Поезжай, отдохни. Вернешься и все решим. Хорошо?

– Да, спасибо!

Он целует меня в макушку, а я вспоминаю папу, его объятия, его большие добрые руки, снова хочется плакать. Но нельзя.

Я теперь должна думать не только о себе, но еще и о крохотном птенчике, который сейчас уже живет внутри...

– Кстати, Надя, деньги у тебя есть?

– Да, Тамерлан Александрович все выплатил. Даже... с премией.

Я действительно удивилась, когда мне на счет упали деньги. Лишние пятьдесят тысяч для меня совсем не лишние. Я их сохраню. Моему малышу пригодятся.

Товия вызывают в отделение, мы прощаемся.

– Возвращайся, Наденька, возвращайся!

– Хорошо, я вернусь!

Улыбаюсь и ловлю свой взгляд в зеркале, которое висит в кабинете.

Маленький встрепанный воробушек – это про меня. Я не очень высокая, всего сто шестьдесят сантиметров, худая,

ключицы торчат, локти острые. Волосы я сейчас крашу в ярко рыжий, почти красный. Отмечаю, что мне совсем не идет.

Некрасивая, бедная девочка. Да, я сама ему так о себе говорила, моему Ильясу, то есть... не моему... И это правда.

Ну и плевать!

Я ни о чем не жалею. Как Эдит Пиаф. Она тоже была воробушком...

Глава 3

– Где она, Там?

– Я уже тебе сказал. Надя поехала к родным. На две недели, в отпуск.

Я слышу голос брата, усталый, измотанный.

Он серьезен.

Иногда мне кажется, что мы с ним оба инвалиды. Мне сломали тело, а ему душу.

Я сломал.

Когда влез в его отношения с Зоей, его Светлячком.

Даже думать о ней мне больно. Именно с этого все началось. Именно эту вину я собирался искупить, навсегда оставшись в этом кресле, без возможности видеть.

Если бы не Надя...

Милая, скромная девочка, которая терпела все мои капризы...

И вот теперь её нет...

– Там, послушай... Я... я должен поехать за ней. Мне нужно с ней поговорить.

– Ильяс, она вернется и поговоришь. Успокойся!

– Ты не понимаешь! Она... если она что-то сделает...

– Ты идиот, Илик! – Я отлично считываю его интонацию, он говорит так, как будто реально считает меня идиотом. В принципе, я его понимаю. – Ничего она не сделает!

– Откуда ты знаешь? После того, что я сказал, она...

– Знаю! Такие девушки как Надя никогда не поступают так... низко. Она... она всегда чем-то напоминала Зою.

– Не надо, Тамерлан, прошу... – я знаю, что воспомина-
ния причиняют боль.

Я живу с физической болью, которая помогает не забыть о душевной. Хотя и притупляет. Мне порой кажется, что мне проще чем Таму.

Может...

Может я не прав? Может быть я должен встать на ноги и... постараться загладить вину свою иначе? Не пустыми переживаниями и страданиями, не жизнью обреченного на вечное заключение в этом чертовом кресле.

Теперь, когда я узнал про Надю, узнал, что она ждёт моего малыша я... я просто уверен, что должен встать на ноги!
Вернуть зрение!

Жить!

Ради нее. Ради нашего малыша...

Господи, почему три дня назад я был таким тупоголовым кретином?

И почему вообще слушал бредни Алисы?

– Я все равно хочу поехать за ней, Там. Помоги мне!

– Что мне нужно сделать?

– Её телефон не отвечает, мне кажется, она внесла мой номер в черный список.

– Я не удивлен. – чувствую движение, кажется, брат са-

дится в свое кресло.

Как и все слепые я стал более чувствителен к звукам. Теперь я не вижу мир, я его слышу. Наверное, не так хорошо, как те, что слепы от рождения. Все-таки...

Врачи сразу говорили, что шансы восстановить зрение есть. Я вижу свет иногда, хоть и не хочу его видеть.

– На ее месте я бы тоже так поступил.

– Тамерлан, ты не хочешь мне помогать?

– Хочу. Извини, брат, я... Я что-то в последнее время устал...

Он не просто устал. Он буквально раздавлен. Все то, что произошло за последний год...

Его отношения с Зоей, которые я разрушил. Его свадьба с Мадиной Алиевой... Весь тот ужас, который произошел после.

Тамерлана чуть не убили тогда. Мы думали, он не выкарабкается.

Отец был совсем плох – так ударило по нему то, что случилось.

Я, конечно, не думал, что кто-то решит свести счеты и со мной.

Я ведь помогал Алиевым! Помогал им «нагнуть» собственного брата!

Чёрт...

Если бы я знал! Никогда не пошел бы на поводу у своей идиотской зависти.

Решил отомстить брату за то, что он у меня понравившуюся девчонку увел!

А ведь я даже не любил Зою! Просто... она была как запретный плод. Сладкая и недоступная.

А Тамерлану уступила.

Я видел, как она сопротивляется, боится своих чувств! И брат боялся. И мне казалось, что они все-таки разойдутся, ничего не будет!

Тамерлан, как будущий глава клана должен был выгодно жениться. Зачем ему простая девочка из обычной семьи? Не нашего круга.

Брат на все наплевал. Он хотел жениться на Зое! Я видел их в Сочи, когда они были вместе – казалось между ними протянуты нити, нити, которыми они привязаны! Какими взглядами они смотрели друг на друга! У меня волосы вставали дыбом на теле от того напряжения, что искрило между ними!

Мне бы порадоваться за брата, а я...

Вернулся в Москву, и встретился с Алиевым, главой клана, отцом Мадины. Алиев сам на меня вышел. Следил что ли? Знал, что у меня есть проблемы с братом.

Он и к отцу уже подкатил. Напугал. Вывернул все наизнанку. Угрожал, что если Там откажется от свадьбы его уничтожат.

Как будто наш Тамерлан стал бы бояться Алиева?

Отец тогда просто не понимал, что Тамерлан уже достиг

такого уровня, что Алиевым до него было как до звезды... Отец был человеком старой закалки. Он знал клан Алиевых, был уверен, что те так же сильны как раньше.

А они, по сути, оказались пустышками. Им нужны были деньги. Они думали, что их власть, их прошлое поможет...

– О чем задумался, Ильяс?

– Ни о чем. – почему-то показалось, что брат прекрасно понимает, о чем я думаю.

– Ясно...

– Тамерлан, помоги! Узнай, где она. Доктор же должен знать? Она же его... родственница? Или...

– Или. Товий просто был другом ее покойного отца. Я что-нибудь придумаю, Илик. Не переживай. Найдем твоего ворушка...

Не переживай! Если бы это было так просто!

На следующий день я еду в клинику. Сам хочу поговорить с доктором, с Товием Сергеевичем. Меня везет медбрат, тот который сменял Надю. Кирилл.

– Ну, здравствуйте, Ильяс Александрович.

Товия я видел, еще когда мог видеть. Когда Там с дырой в животе попал к нему в клинику. Огромный, добродушный, не лез за словом в карман и сейчас, я думаю, не полезет.

– Доброе утро, Товий Сергеевич.

– А оно доброе? Мне бы вас, батенька, на дуэль вызвать...

За честь, так сказать, как в старые времена.

Я молчу, понимая, что доктор прав, очень сильно прав. Я

заслужил. Даже не дуэль, показательную порку.

Я даже не могу объяснить, что хотел как лучше!

– Я бы понял, Ильяс, если бы ты просто ей дал от ворот поворот, это нормально, ну, попользовался глупышкой маленькой...

– Я не пользовался...

– Не перебивай старших. – я чувствую, что он говорит без толики иронии. Ему неприятно общаться со мной, но ничего поделаться он не может. Он врач. Я пациент. – Если бы просто воспользовался наивностью, молодостью... Жалостью, в конце концов. А как ты хотел? Инвалид слепой? Конечно, тебя каждая баба жалеть должна.

Стискиваю зубы, чтобы не заорать. Она не жалела! Она... она любила, кажется...

– Это можно простить. Но то, что ты про ребенка сказал.

– Я же не знал, что она и правда...

– Не знал? То есть от чего дети бывают ты еще не выучил?

– Выучил.

Чёрт. Он прав, тысячу раз прав, и...

– Я хочу найти ее. И жениться на ней.

– Зачем ты ей нужен? Калека?

– Я должен встать на ноги, и вы... вы мне поможете!

В клинике я провожу несколько часов.

Полное обследование, даже небольшой консилиум. Предлагают на выбор лечение в Германии, в Израиле, ну и у нас,

в России, конечно.

Там дороже и быстрее.

Но у нас... у нас я буду рядом с Воробушком. Это душу греет. И все-таки.

– Ильяс, смотри, – Товий шелестит какими-то бумагами. Наверное, смотрит мои анализы, я сдаю их регулярно, там настаивает. – я советую не отказываться от Германии.

– Я не поеду.

– погоди, выслушай сначала, ишь, горячий какой! Горец! Поедешь на две недели. Обследуют тебя по полной программе, сделают выводы. Двух недель хватит. Когда вернешься ты, вернется и Надежда. Понял?

Две недели.

И за две недели есть надежда, конечно, не встать на ноги, не прозреть, но хотя бы узнать какие у меня шансы.

Есть надежда. И Надежда. И я должен выбирать.

Я ведь на самом деле смогу узнать, что я предложу моему Воробушку? Жизнь с инвалидом, или жизнь с нормальным мужчиной, который не будет обузой, а наоборот, сможет заработать на эту жизнь, сможет обеспечить ей все.

Ясно, что обузой в финансовом плане я в любом случае не буду.

У меня есть часть наследства отца. Доля в его бизнесе. И квартира, которую родители подарили мне на совершеннолетие. И счет в банке.

И Тамерлан, знаю, никогда меня не бросит.

Да, я не нищеврод. Я даже слепой, в кресле смогу содержать и ее и малыша, но...

Хочется по-другому. Хочется, чтобы она жила полноценной жизнью.

Конечно, тут тоже есть вариант.

Даже если я останусь таким беспомощным навсегда, что вполне может оказаться реальностью, я ведь могу... Я могу сделать Надю своей женой только на бумаге? Просто сделать так, чтобы ни она, ни наш ребенок ни в чем не нуждались? Дать свое имя, обеспечить? И дать полную свободу ей, как женщине?

Почему только от мысли об этом у меня сжимается все внутри. Где-то там. Глубоко. Под ребрами.

Там что-то бьется, как в клетке. И болит. Ноет. Наверное... сердце?

– Так что ты скажешь, Ильяс?

Что я должен сказать? Ах, да... Германия. Обследование. Возможность вернуться к нормальной жизни.

– Точно на две недели? А если она приедет раньше?

– Я поговорю с ней. Она, конечно, тебя, дурака, помучает немного. А потом простит.

– Простит, думаете, – слышу, что он встал, шелест одежды, шаги. – А если...

– А если не простит, значит будешь делать все, чтобы простила. Уж не мне тебя учить. Хотя... поучил бы. Розгами! Хорошенько! Она ребенка от тебя ждет! А ты...

– Я не знал.

– Мужчина, если он настоящий мужчина, никогда не должен говорить женщине таких слов. Понял? Заруби себе на носу! Не хочешь детей – предохраняйся! Или... или не занимайся этим с женщинами, от которых тебе дети не нужны.

– Мне нужны... Очень.

– Вижу. Ладно. – слышу какой-то скрип. Представляю его лицо – я ведь его хорошо помню, лицо – крупный нос, полные щеки, губы, легко растягивающиеся в улыбку. Интересно, какое сейчас выражение на этом лице? – Я свяжусь с клиникой в Мюнхене, будь готов вылететь в ближайшее время.

– А если Надя...

– Если бы да кабы! Если Надя позвонит, или напишет, как-то свяжется со мной, я постараюсь сделать так, чтобы она поняла, что вам надо еще раз поговорить.

– Спасибо вам.

– Простым «спасибо» тут не отделаешься. Поступишь по-мужски – вот это будет нормальное спасибо.

Поступлю!

Я очень хочу, наконец, поступить по-мужски... Потому что... дико стыдно, просто до отвращения к самому себе. Да, я давно сам себе отвратителен.

И воспоминания...

«Когда слабых обижают – это всегда мужское дело» – так сказал этот пожилой таксист, когда спасал Светлячка в день свадьбы Тамерлана.

Он спас, а я...

С тех пор кислота выжигает душу.

А теперь еще и Надя. Две полоски...

И те чувства, которые я испытывал, когда она была рядом...

Глава 4

Ночные поезда я люблю. Даже плацкартные вагоны. Правда, в этот раз я разорилась, решила купить купе. Главное, чтобы повезло с попутчиками.

Реально – повезло, хотя сначала я испугалась.

Двое молодых мужчин, которые явно намеревались весело провести ночь, выдохнула с облегчением, когда в купе села привлекательная дама лет сорока, Кира.

Она тут же дала понять, что теперь она главная и опекает меня. Разложила вкусности – отправила наших соседей к проводнице за чаем.

– Ты, Надюш, расслабься, я тебя тут в обиду не дам.

– Спасибо, Кира. Да я и сама могу за себя постоять. Вы не думайте, что я такая маленькая и слабая. Я... сильная на самом деле.

– Ну и правильно! Только ты... мужикам не давай сразу понять, что ты сильная. Они этого не любят. – она усмехается, и я понимаю, что тут явно личный опыт, – Да, да... пашешь, пашешь, как ломовая лошадь, прешь все на себе, стараешься и выглядеть хорошо, и зарабатывать. А он приходит однажды и говорит, извини, солнышко, я полюбил другую...

Попутчица смотрит в окно, на пробегающие фонари, потом снова на меня.

– Извини, это я так. Наша сила в нашей слабости. Ну, куда

наши кавалеры пропали?

Молодые люди – Гера и Севастьян – приносят чай. Мы ужинаем, оживленно беседуем. Кира расспрашивает их куда едут, чем занимаются. Гера оказывается шутником, сыпет анекдотами. Сева поспокойнее, больше молчит и улыбается.

Я смотрю на них и почему-то думаю, что у меня обязательно все будет хорошо.

Ну и что, что Ильяс от меня отказался? Значит, это мой путь, моя судьба.

Может и не стоит мне возвращаться в столицу? Что меня там держит?

Последнее время я жила в доме Умаровых, в квартиру, которую я снимала с подругой уже заехала другая девчонка – они пустили меня на три дня, перекантоваться.

Работа? Медицинский колледж я окончила, правда, последний год почти не училась – работала, Товий Сергеевич помог. Дело сестринское я знаю, уколы, капельницы – все могу. Конечно, зарплата оставляет желать лучшего, но при желании можно устроиться и заработать.

– Надюшка, о чем задумалась, красивая? – улыбается мне Гера, подмигивая.

– Так, о жизни. – улыбаюсь в ответ, очень уж он заразительно это делает.

– Курить пойдешь?

– Я не курю. И потом... нельзя же?

– Станция, стоянка пять минут, мы поскакали!

– Только вернитесь, ребята! – улыбается им Кира.

Они и правда выходят на улицу, а соседка пристально смотрит на меня.

– Ты зачем в такой жуткий цвет волосы красишь, а?

Я опешила, не ожидая такой прямолинейности.

– Я не просто так спрашиваю. Я же салон красоты держу в нашем Руднике, раньше сама была мастером, теперь вот управляю. Ты же блондинка, натуральная?

Опускаю глаза. Не могу я рассказывать почему сознательно закрашиваю натуральный цвет. Почему хочу казаться хуже, чем я есть на самом деле.

– Не хочешь, не говори. Но... ты в Рудник надолго?

– Пока не знаю, может и насовсем.

– Домой? К маме-папе?

– Нет. Нет у меня мамы-папы. – Выдыхаю, стараясь, скрыть подкатившие слезы. Они сами появляются. Стоит услышать слово мама. Автоматически. Независимо от меня.

Ее ладонь накрывает мою, что-то такое теплое, ласковое, материнское есть в ее жесте.

– Прости, воробушек.

Недоуменно вскидываю глаза.

– Как вы меня назвали?

– Воробушек, прости если обидела, не хотела, но ты... ты правда похожа на маленького встрепанного воробушка. Обиделась?

Я улыбаюсь.

– Просто... меня все называют воробушком. У меня фамилия Воробьева.

Мы начинаем смеяться, разряжая атмосферу.

– Как я угадала, а? А в салоне своем я тебя жду! Ты, конечно, не гадкий утенок, но лебедя мы из тебя точно сделаем.

– Не надо, спасибо... мне и так... нормально.

– Не нормально! Красивая девушка не должна над собой вот так измываться. И насчет денег не переживай – это будет мой подарок! Давно мечтала почувствовать себя фе-ей-крестной. Сделаем из тебя красоточку! Закачаешься! Потом и принца найдем.

– Не надо принца...

Куда мне принц? Когда я на втором месяце? Принцы за беременными Золушками не бегают...

– Спасибо, я не буду, – улыбаюсь Гере, решительно отодвигаясь, от его руки, протягивающей кружку.

– Почему? Болеешь что ли?

– Ребёнка жду. – говорю как-то просто, решая, что врать на эту тему точно не стоит.

– Какого ребенка, ты сама дитё! Тебе восемнадцать-то есть? – Герман, по-моему, потрясен этой новостью.

– Мне двадцать скоро. – снова пытаюсь улыбаться. Мне скрывать нечего.

– Ты же не замужем?

– А что, для этого обязательно штамп требуется?

Он опускает голову, понимает, что явно сам этим самым занимается без всяких штампов.

– Защиту тогда надо, что ли...

А вот это уже обидно. Надо. Да. Только кто об этом думал? Точно не я, дурочка влюбленная. Которой просто дышать рядом с ним – уже было сладко!

– Парни, – Кирин бодрый тон разряжает атмосферу, – шли бы вы, покурили что ли? Сейчас станция, минут десять стоим.

– Три всего вроде.

– Я говорю – покурите, мальчики, а?

– Понял! – Сева встает, поднимает Геру, который на меня все еще пялится.

Выходят, слышу реплику из коридора: «да она же малышка совсем? И как? Я не понимаю...»

– Вот и я не понимаю. От него бежишь что ли?

– Я не бегу.

Или бегу? Не знаю. Нужна, как её... перезагрузка. Обнуление, будь оно не ладно.

– Мне просто надо отдохнуть, выдохнуть...

– На аборт отправил?

– Он не знает...

Опускаю голову. Он и правда не знает. А на аборт отправил. А я не хочу и не буду. И вообще...

Эти две полосочки только мои. Вот и все.

Я ведь сразу знала, что мы не пара. Он богатый, умный, красивый... да, да, в инвалидном кресле, слепой, со шрамами! Все равно красивый. Самый лучший может быть на Земле...

А я маленькая, глупая, простая, я не его поля ягодка. Так моя тетя Валя говорит. Не по Сеньке шапка.

– Ты к кому хоть едешь, воробушек? Если ты... – она не сказала сирота, но было ясно.

К кому я еду, действительно? Ехать-то мне особенно не к кому.

В городе этом у меня квартирка двухкомнатная, скромная, в старом доме. Папе должны были дать большую, новую. Но... не успели. Папа погиб.

У них в отделении пожар начался, короткое замыкание. Папа самых тяжелых пациентов вывозил, пошел проверять, никого ли не забыли. Там у них была бабуля с «альцгеймером», любила прятаться. Он пошел ее искать. Ему не успели сказать, что бабуля накануне умерла, ну и... В общем, задохнулся.

А мама... Про маму я не могу вспоминать. Это еще больнее.

– Поехали ко мне, а?

– Что? Куда?

– Да в Рудник же! Только я не в самом городе. Про Царское село знаешь? Вот. У меня там дом.

Про Царское село я, конечно, знала. В конце девяностых те, кто начал подниматься и деньги зарабатывать стали покупать землю у нашего городского озера, даже скандал был большой, мол городской парк уничтожили. Мэра тогдашнего уволили, хотели посадить.

Парку действительно досталось. Зато один из нуворишей сделал городу и детям подарок. Открыл большой детский городок с аттракционами, там даже паровозик настоящий ездил. Был прудик с утками, маленький зоопарк. Мама раньше часто меня туда водила.

– Так что, поедешь ко мне! Выдохнешь, сменишь обстановку, а там подумаем, что с тобой делать!

– Спасибо, конечно, но... это разве удобно?

– Конечно удобно! Я приглашаю! Все равно я пока одна.

– А почему вы одна? Ой... извините...

– Почему... много будешь знать, скоро состаришься! И вообще, давай-ка, может на «ты» перейдем? Чувствую себя старой перечницей!

– Я постараюсь...

А правда, почему бы не поехать к Кире? Она понравилась мне. Открытая, яркая, смешливая. Чувствовалось, что она не их тех кто «себе на уме». И так хотелось не ошибиться!

А дом...

Дом слишком пустой. И там слишком много скелетов в шкафах. Я, конечно, пойду туда. Но чуть позже.

Поезд прибывает на станцию в семь утра. Поспать мы по-

что не успели. Кира говорит, что нас с ней ждет такси, Гера помог мне выгрузить чемодан.

– Телефончик оставишь, малыш?

– Зачем? – искренне не понимаю. Зачем я ему? Он такой, симпатичный, интересный, компанейский парень. А я воробей – воробушек, маленькая, серая птаха.

– Захочешь, Герман, найдешь, ясно? – Кира подмигнула мне, и мы пошли к такси.

Уже подъезжая к дому, я поняла, что оставила где-то сумочку. Я не привыкла к ней, у меня всегда был рюкзачок. Но он совсем истрепался и... И Ильяс попросил Тамерлана подарить мне сумку. Я даже не знала, сколько она стоит! Алиса меня просветила, сказала, что дорого, но мог бы купить и получше. Она и название говорила, только я не запомнила, вроде на «Ф» как-то.

– Наверняка его помощница купила, это марка, которую обожают тупые секретарши. – мне в тот момент хотелось ударить ее чем-то тяжелым, но я сдержалась. А Алиса скривила лицо и больше ко мне не обращалась.

Выхожу из такси, беспомощно глазами хлопаю.

– Ты чего, Надюш?

– Сумку потеряла. Там документы...

Глава 5

Самолет набирает высоту. Бизнес-джет. Наверное, тут очень круто. Пахнет кожей, деревом – богатством. Я провожу рукой по гладкому подлокотнику, пытаюсь определить из чего он. Отполированное красное дерево? Наверняка же не пластик...

Раньше я не летал такими, но брат настоял. Тамерлан летит со мной. И я... я очень тронут тем, что он оставил дела и помогает.

Я бы на его месте...

Я бы просто вышвырнул меня как шелудивого пса! После всего, что я сделал.

А он.

Великодушный? Нет, наверное. Не знаю, как сказать. Просто он старший брат вот и все.

Мужчина, который из-за меня прошел через ад. И выстоял.

А я вот. Я сломался. Не хотел жить. Ничего не хотел.

Если бы не один маленький воробушек...

Вспоминаю, как впервые услышал ее голос.

– Добрый день, меня зовут Надежда.

– И что? – отрезал безразлично, мог бы вообще ничего не говорить.

Я лежал в полной апатии, наверное, в тот момент у меня

была стадия отрицания.

Я все еще не хотел верить в то, что я, Ильяс Умаров, мальчишка мажор, который по сути ничего в жизни не добился, только хвастался тем, что у него брат миллиардер и талант связываться в неприятности, теперь кусок мяса, брошенный на больничную койку.

Вспоминал события, которые предшествовали этому и... и прекрасно понимал значение слова божья кара. Не важно какой Бог. Кара есть у любого.

Я совершил ужасный поступок. Я предал самого близко-го и родного мне человека. Я, по сути, убил женщину, которую... Которую, как мне казалось, я любил.

Зоя Светлова. Светлячок. Мой старший брат – Тамерлан – сразу дал ей это прозвище, не зная, что Светлячком ее зовут почти все, начиная от ее мамы, заканчивая деканом нашего факультета.

Светлячок. Красивая светлая девочка, которую я решил получить.

Втерся в доверие, прикинулся другом. Потом решил перейти к новой стадии, начал дарить подарки, от которых Зоя с упорным постоянством отказывалась. А потом...

Потом ее увидел Тамерлан, и она увидела его. И все.

Сначала я бесился, потом думал, что смогу забыть, забить, переключился на другую – Алису, тоже с нашего потока. Алиса любила деньги, она была на все готова. А я не готов.

Но после того, как Зоя кинулась в драку, чтобы меня спасти, прямо в гущу пьяных отморозков, что-то во мне перевернулось.

Понял, что хочу ее рядом, всегда. Не просто как временную игрушку. Всегда – очень долго.

Но... Мой брат тоже захотел, что бы она была с ним. И тоже навсегда.

Почему я решил, что смогу этому помешать?

А главное, почему я ЗАХОТЕЛ помешать?

Я ведь не был таким подонком?

Любил брата.

И Зою... Зою я тоже любил...

Лежу в палате, которую не вижу, только чувствую мерзкий запах больницы, от которого тошнит, выворачивает.

А тут эта...

Надежда, блин... компас земной.

– Я поставлю вам капельницу.

– Жги. Но учти. Опять мне руку разворишь – больше никогда, ни в какой больнице работать не будешь. Ясно тебе, компас?

Слышу, что она усмехнулась. Смех тоненький, как колокольчик. Молодая совсем, зеленая, что ли?

– Весело тебе?

– Нет, просто... интересно, почему компас?

Песен старых, значит, не знает? А я знаю. Меня часто с дедом оставляли, в горах. А он любил все эти песни. И про

День Победы, и про компас земной...

– Потому что. Если не знаешь – твои проблемы. – понимаю, что грубо, но бесит!

– Я знаю. Это из песни. Мне часто поют. Я просто думала...

– Думала? А ты умеешь?

– Думала, что вы не знаете, – отвечает спокойно, не замечая моей колкости.

И снова смеется. Колокольчиком нежным.

Интересно, ей сколько? Лет шестнадцать? Практикантка что ли?

У них медсестер нормальных нет, блин?

Это же больница Тамерлана! Он сюда кучу бабла вливает, все время говорит, что больница не приносит доход, но его это устраивает. Типа, благотворительность, хотя тут все платно! Значит, доктора эти, и сестры получают нормальные бабки!

И за нормальные бабки мне, брату хозяина, не могут опытную сестру найти?

– У вас что, с персоналом проблемы?

– Почему?

– Потому. Отойди от меня. И найди нормальную, опытную. Пусть она капельницу ставит.

– А я уже давно все поставила.

Что? Как?

Протягиваю руку, трогаю – точно, бабочка в вене, или как

оно там называется.

– Сейчас прокапает, это минут тридцать. Я приду и сниму. А катетер оставим, я его потом закреплю получше.

Мне бы надо сказать ей спасибо. Но куда там? Где я, и где она?

– А вообще-то я не компас. Я воробушек...

Воробушек! Интересно. Зачем мне эта информация?

Я ведь так и спросил! Не задумываясь. Вообще в то время не задумывался ни о чем. Понимал, что плачу по счетам, что мне все это за дело прилетело. Да еще и мало!

Я тогда думал, что Зоя умерла. Погибла. Просто услышал соседку, не стал ничего проверять. Оглушило меня это известие.

Это реально страшно. Дико страшно, до стынущей в жилах крови. Когда ты осознаешь, что был человек – чистый, светлый, любящий и любимый, нежный, безгрешный... Ну, какие ее грехи? То, что с братом моим до свадьбы? Великий грех, чего смеяться? Тем более, что Тамерлан ей сказал, что женится на ней. И вот этой чистой души нет. Нет потому, что ты ее захотел испачкать.

Ее нет. А ты живой! Чёрт.

Я даже когда осознал, что заживо в машине горю, первое что подумал – заслужил.

Заслужил!

Выжил. Взрыв произошел рядом с домом, я только из дво-

ра выехал. Охрана тут же подбежала, меня вытащили.

Зачем?

Хотя в этом тоже провидение господне. Слишком легко мне было просто сгинуть. Я должен долгий ответ нести за все. В первую очередь за Зою.

Зоя – жизнь, так это имя переводится. А я ее обрек на смерть.

Поэтому каждый раз, когда приходит этот тихий ком-пас-воробушек и ставит капельницу, хочется вырвать катетер к чертям и сказать, что меня не надо лечить!

Меня надо оставить в покое!

Я должен умирать! Долго, мучительно, грязно... Иного не заслужил.

Так и устраиваю дебоши периодически. Срывая зло на кроткой медсестричке.

– Тише, тише... Какой же вы буйный...

– Уйди отсюда, я сказал! Не понимаешь? Ты ведь тоже сейчас огребешь!

– Я ухожу. Не переживайте.

– Я не переживаю! За тебя так точно! Ты... ты никто, поняла? И вообще! Не хочу, чтобы ты была тут! Позови доктора! Товия своего позови! Быстро.

– Сейчас позову.

Не зовет. Знает, что Товий мне скажет пару ласковых. Он со мной вообще не церемонится. Говорит, что думает!

Больно мне надо слышать то, что он думает! Как будто я

не знаю, что они тут все обо мне думают! Что я избалованный пацан, без чести и совести!

А я... я такой и есть.

Несколько дней ко мне приходит другая медсестра. Я начинаю чувствовать. Отличать. Другая. Холодная, строгая.

Не грубая, нет – ха, попробовали бы они тут быть грубыми со мной! Просто... другая.

И я не выдерживаю.

– Где Надежда?

– Какая Надежда?

– Только не говорите мне, что не было тут маленькой сестры, которую Надя звать!

– Их тут две. Вам какая нужна?

Чёрт! Готов сорваться! Я откуда знаю, какая?

– Одна высокая блондинка, а вторая... маленькая, рыженькая, некрасивая... ой... простите.

– Что? Вдуплила, что я слепой?

– Извините. Ну вот две Нади у нас.

– Которая... некрасивая, – почему так сказал, сам не знаю. – у нее голос еще... такой...

– Да, точно. Голосок у нее приятный. У нас пациент есть, лежачий, так он ее просит просто приходить и разговаривать, петь ему.

– Мне зачем эта информация?

– Надюшка на сессии. Завтра выйдет. Сказать, чтобы зашла к вам?

– Не надо.

Зачем она мне? Некрасивая, маленькая... с таким голо-
сом, который как ручеек журчит?

Не нужна она мне. Никто не нужен. Я мёртв. Просто свой
ад я отбываю на земле.

– Добрый день. Как у вас дела?

Пришла! Почему внутри все стало плавиться?

Еще не хватало...

Я ее еще не раз прогонял. И не только ее. Всех.

Устраивал голодовки. Скандалы.

Только терпеливый доктор Товий приходил, устраивал
мне разнос.

Потом пришел Тамерлан. Живой.

Я ведь в какой-то момент подумал, что я и его тоже...

В него стреляли, на следующий день после свадьбы. После
свадьбы с невестой, которую ему подсунули благодаря мне.

В какой же мутной и грязной истории я участвовал! Про-
сто... словно в дерьме искупался. Даже нет. Просто сам пре-
вратился в абсолютное...

Ничтожество. Грязь. Мерзость.

Вот кто я.

И зачем мне лечиться? Зачем вставать на ноги?

И зрение восстанавливать, зачем?

Мне и так плохо! А если я опять стану нормальным – бу-

дет еще хуже. Тогда я буду все время ждать, когда же... когда меня снова настигнет кара господня?

Ведь не может же быть так, что я прощен?

Да, Тамерлан простит, наверное. Но Тамерлан не всевышний.

И мать простит, за то, что отец умер, узнав о том, что меня взорвали. Уже простила. Ей главное, что я живой!

Пусть такой. Получеловек. Но живой. – Ильяс, – Тамерлан говорит со мной довольно жестко, не делая скидок на мое состояние, – хватит уже играть в глупого мальчишку. Ты мужчина. Веди себя достойно.

Достойно? Это как? Видимо, я не умею.

– Я сказал, что не хочу ничего, брат. Я не буду вставать на ноги. И глаза свои я трогать не дам. Это мое решение. Ясно?

– Ясно.

Наверняка, они с доктором все это будут обсуждать еще не раз и не два. Возможно, признают меня недееспособным, примут все за меня. Но если я не хочу вставать на ноги, я же не встану, так?

– Привет. Замучили они вас?

Молчу. Пришла. Воробушек. Хочется ответить ей резко, чтобы раз и навсегда поняла, что со мной не прокатит ее нежность и мягкость!

И жалость мне не нужна!

Но... молчу.

– Хотите чего-нибудь?

Она серьезно? Усмехаюсь. Смелая, что ли? Или у них сегодня тут у всех коллективное помешательство? Ладно! Гулять, так гулять!

– А если хочу?

– Чего?

– А ты не понимаешь? Глупая совсем?

Я чувствую, что она стоит рядом. Близко. Совсем близко. Неожиданно резко выбрасываю руку, и у меня получается схватить ее за одежду.

– Ой, вы что? Пустите!

Дергаю со всей силы, и она падает прямо на меня, ойкает, но не кричит.

Интересно! Почему не кричит? Должна же вопить? Или нет?

– И сейчас не понимаешь?

Руки у меня, хоть и обожжены были немного, работают вполне себе хорошо.

Сжимаю ее тело. Она... щуплая такая, там и подержаться не за что. Хотя нет, есть...

– Пустите, пожалуйста.

– Ты сама спросила, чего я хочу. Я хочу этого.

– Чего? – слышу, что голосок срывается. Понимаю – не будет она кричать.

Потому что...

Потому что ей стыдно! Чёрт. А мне не стыдно. Нет у меня совести. Видимо, когда ее раздавали, я в очереди за нагло-

стью стоял.

Понимаю, что должен отпустить, но... не могу. Почему-то не могу. Сбивает она меня с толку.

И пахнет так... Не больницей, не духами тяжелыми. Чем-то таким...

– Чем от тебя пахнет?

– Я... я не знаю... может... я форму всегда стираю детским порошком, который... ну, чтобы не было аллергии.

– У тебя есть?

– У пациентов некоторых есть. Они реагируют на запах. Особенно незрячие. Ой... прости... те.

Не прощаю! Прижимаю еще крепче.

Воробушек, надо же...

А потом чувствую ее пальцы на своей щеке.

Главаб

Как же хорошо лежать в большой горячей ванне, с пеной!

В доме Тамерлана у меня была только душевая кабина. Я знала, что у них, конечно, есть ванная комната с ванной, но попроситься туда мне было неудобно. А в квартире, которую я снимала с подругой и в которой жила перед отъездом ванна была такая страшная, что я брезговала, хотя, в принципе, не брезгливая...

Кира выделила мне уютную спальню на втором этаже, с личной ванной комнатой. Она все показала, рассказала, выдала полотенце и банный халат, а сама поспешила вниз, варить кофе.

– Не могу, если не выпью – умру! Я, правда, потом все равно поспать собираюсь, но... Давай, купайся, не торопись, спустишься – я как раз что-то поесть соображу.

– Я не голодная.

– Зато я голодная. – она улыбается и скрывается за дверью.

Закрываю глаза, откинув голову на край ванной.

Хорошо!

Почему-то вспоминаю Кипр. Я ездила туда в качестве сиделки Ильяса.

У меня было свободное время, и я лежала в бассейне. Илик сидел на коляске у шезлонгов, под огромным зонтом.

Я знала, что он меня не видит, лежала и смотрела на него.

Подошел парень, предложил сыграть в волейбол. Я засмеялась – куда мне, я маленькая, но он так весело уговаривал, что я не устояла. Оглянулась на Илика, увидела, что он в наушниках и пошла играть.

Мы громко смеялись, кричали, было очень круто. Парень, который меня позвал, кажется Андрей, или Артем, вызвался меня проводить до номера, но я показала на Ильяса.

– Не могу, я тут не совсем одна.

– Это... твой парень что ли?

– Нет. Он мой... пациент. Я сиделка.

– Ого, интересно. А что с ним?

– Эй, вам не кажется, что не вежливо задавать такие вопросы? – грубый голос Ильяса тогда заставил меня оторопеть, кожа сразу мурашками покрылась. Он ведь был в наушниках! – Надежда, а вы в рабочее время занимайтесь работой.

– Извините. Но у меня сейчас свободное время.

– Это я решаю, когда оно у тебя свободное, а когда нет!

Поехали в номер, жара дикая, я сейчас расплавлюсь.

Парень жестом показал, может ли он мне позвонить, я пожала плечами, он сделал знак, мол, увидимся, и я повезла Илика в отель.

– Даже не вздумай больше общаться с этими уродами.

– Почему вы так говорите? Они не уроды.

– Они тебе будут сказки рассказывать, какая ты красивая,

милая, желанная, потом сделают свои дела и свалят. А ты останешься. В лучшем случае просто использованная, в худшем – сама понимаешь.

Именно. Теперь понимаю.

После Ильяса я осталась в худшем. По его мнению.

Лично я так не считала.

Вылезаю из ванны, вытираюсь пушистым полотенцем, надеваю халат и спускаюсь вниз. Кира говорит по телефону.

– Да, Вась, постарайся найти, а? В принципе, имена у них такие, заметные. Они вроде говорили, что в городе работают. Герман какую-то свою фирму держит. Может, конечно и соврал, я местных фирмачей всех знаю. Ну, мало ли... Спасибо!

Она улыбается мне, прикрывает ладошкой трубку.

– Садись, кофе пьешь?

– Мне же нельзя. Если можно – чай. Я сама могу заварить.

– Сейчас. – продолжает диалог с неведомым Васей, – в общем, как что – звони сразу. Хорошо бы найти сумку, там документы, ключи от квартиры...

Кира заканчивает разговор, кладет смартфон на стол.

– Не волнуйся, Маша-растеряша. Постараемся найти. Деньги там были?

– Нет. Деньги на карте, а карта у меня в нагрудном кармане в кошелечке.

– Это хорошо. В принципе, паспорт мы с тобой можем восстановить. Ты же тут прописана, в городе?

– Ну да.

– Квартиру вскроем – соседи помнят тебя?

Конечно же помнят. И папу помнят. И маму...

– Значит, даже если не найдем, то...

– Вы думаете, это Гера взял? Или... Севастьян?

– Думаю они не специально. Суматоха была. Я поэтому все важное ношу в сумке на поясе. И стильно, и удобно.

Да, у Киры действительно была красивая красная брендовая сумочка.

– Вот твой чай, вкусный, с травками и ягодами. И еще я успела по-быстрому сделать сырники.

– Спасибо вам... тебе.

– Вот, это мне нравится! Ну что, чай попьем и отдохнем немного? Я после поезда всегда сонная. Тем более ночь мы не спали.

– Я не против.

– В твоём состоянии спать и спать. Помню, когда я своего Славку ждала, ходила вечно как сомнамбула, только увижу подушку, сразу брык на нее и все...

– У вас... тебя есть сын? А он где?

– Где-то в Европе, точно не скажу.

– Он... с вашим мужем живет?

– Он сам по себе. Ему уже двадцать пять, самостоятельный.

– Ого! А вам сколько?

– Тебе! – она улыбается, – а мне сорок три. Он у меня

ранний. Вот тебе будет сорок три и будет у тебя взрослый ребенок. Знаешь как это здорово? Ты сама еще молодая, а он уже такой – ух! Под два метра ростом, красавец!

Я как-то сразу сникаю, представляя себя матерью-одинокой. Грустно и больно.

– Ну, ну... что ты? Не раскисай, прорвемся! Расскажешь, что за идиот тебя вот так вот отпустил?

– Он не идиот... он...

Он все равно самый лучший.

Я правда думаю, что он хороший. Просто... ему не повезло.

Как и мне.

Мы с ним, в каком-то смысле... товарищи по несчастью. Думаю, об этом, закрывая глаза, вздыхаю тяжело.

– Ну что ты, девочка моя? Ты... расскажи мне все, тебе самой станет легче. Расскажи.

Качаю головой. Если рассказывать, то с самого начала.

Как увидела его в клинике, как он первое время постоянно грубил. Да и не первое тоже.

Начинаю вспоминать, и слова сами собой льются.

Я выхожу на работу после сессии. Все сдала хорошо. На пятерки.

Мне снова говорят о том, что с моими знаниями и умениями прямой путь в медицинский институт. А я не хочу. Это

личное.

И потом, мне нравится быть медицинской сестрой. Не всем становится хирургами и терапевтами.

Илик снова мрачный, не грубит, но явно не в настроении. Первые дни пытаюсь его как-то расшевелить. Потом появляется сложная пациентка в другой палате, все больше времени провожу с ней.

У Ильяса консилиум, выясняют, что делать дальше. Он не хочет лечиться, не хочет вставать на ноги. Даже от операции на глаза отказывается.

Я в то время еще почти ничего не знаю ни о нем, ни о его семье.

Умаровы. Очень богатые. Тамерлан – старший брат Ильяса – совладелец нашей клиники. Что-то у них там произошло неприятное, то ли семейное, то ли из-за бизнеса. В старшего брата стреляли, он тоже у нас в отделении лежал. Потом машину Ильяса какие-то бандиты взорвали. Отец из умер от инфаркта вроде – не успели спасти. Вот и все, что я тогда про них знала.

Захожу в палату и... Он не нападает, нет. Просто застает врасплох, я падаю на него и... Думаю о том, какой он крупный, сильный, у него даже такого, лежащего уже больше месяца пластом бицепсы хорошо видны. Ожоги на руках зажили, на лице шрамы видны, но они его совсем не портят.

Он красивый. Даже вот такой.

Поверженный.

Вот что я могу о нем сказать. Он... повержен, проиграл. Это очевидно.

Мне не жаль его, нет, это совсем не жалость.

Неожиданно он спрашивает, чем от меня пахнет. Я не знаю. Чем может пахнуть? Духами я не пользуюсь, потому что у пациентов бывает аллергия. Даже порошок стиральный использую который для малышей. У него нежный аромат.

Говорю об этом Ильясу и не могу удержаться, глажу его подушечками пальцев по щеке, а потом...

Потом опускаю голову и целую. Ну, как целую? Просто прикасаюсь губами к его губам, стараясь быть нежной. Я не умею целоваться. Я не целовалась раньше ни с кем.

Нет, когда-то, когда еще была жива мама, мне было пятнадцать и я начинала встречаться с одноклассником. Но мы просто гуляли, держались за руки. Ничего такого. Я ведь скромный воробушек.

Потом мама погибла и... Моя счастливая жизнь закончилась.

Мама погибла. Разве я имею право так говорить?

– Не делай так больше. – голос Илика какой-то странный, хриплый. Я чувствую, что он весь напрягся. Но руки, которыми он меня держит не отпустил.

– Извини... те. – хочу сползти с него, но он не пускает, только шипит, сквозь зубы.

– Не елозь по мне, глупая. Не соображаешь, что ли?

А я и правда не соображаю, что он имеет в виду. А когда

понимаю – дико краснею, и замираю, стараясь не чувствовать. Или чувствовать.

Он молчит. Просто держит меня и, как мне кажется, дышит моим ароматом. Может ли это быть так? Или я все себе придумала?

Я слышу шаги в коридоре, дергаюсь, но он не отпускает.

– Что, боишься, что тебя застукают с калекой слепым?

– Нет. Не боюсь. Не потому что вы слепой калека. Вы пациент. Так нельзя.

– Ясно, – ухмыляется, прижимает крепче, я пишу, потому что мне больно. – Что? Пожалела меня, да?

– Нет. Не пожалела.

Я на самом деле не пожалела. Ни его, ни себя.

Жалеть человека за то, что он потерял зрение и возможность ходить? Нет. Сочувствую ему. Желаю выздоровления. Но не жалею.

И себя не жалею, потому что чувствую, что с каждым днем мне все тяжелее уходить из его палаты.

В один прекрасный день захожу его проведать и вижу застеленную койку.

Илика нет, выписали домой. Я больше его не увижу.

Весь день сама не своя, а вечером захожу в эту палату, бросаюсь ничком на подушку, которая уже не пахнет им, потому что я сама застелила ее свежим бельем и реву...

Глава 7

Ильяс.

Три месяца мрака.

Казалось, с каждым днем мрак все больше захватывает меня. Я в его пучине. В самом сердце черной дыры под названием моя жизнь.

Каждый день я начинаю с того, что вспоминаю. Проговариваю, чтобы не забыть.

Я должен это помнить!

Зоя мертва. Красивый, яркий, желанный Светлячок. Светлая девочка, которая так любила жизнь! Так хотела быть счастливой! Любимой. Замуж хотела за любимого.

Умерла.

И в этом виноват я. Только я.

Тамерлан жив. Но он не живет. Я знаю. Он как робот просто выполняет нужные функции. А сердце и душа его где-то там. В каком-то крохотном городе куда увезла Зою мать, и где она ее похоронила. Он тоже хотел любить, быть любимым. А теперь он просто оболочка того Тамерлана.

Живой и не живой. И в этом виноват я. Только я.

Та, которая стала женой Тамерлана, Мадина, далеко. Он поселил ее где-то в горах. Жена моего брата ждет ребенка от Шабката – той мерзкой гориллы, который напал на Светлячка, и чуть не убил Тамерлана. Шабката застрелил Рустам –

Глава службы безопасности моего брата. А Мадина жива. И мой брат связан с ней клятвой. И он говорит, что останется ее мужем.

В этом тоже виноват я. Только я.

Мама. Мама превратилась в свою тень. Даже я, слепой, это вижу.

Раньше мама была веселой. Хлебосольной, радушной, смешливой. Она много пела. Папа даже шутил, мол, готов заплатить, чтобы сделать ее популярной певицей. Ну, конечно, мама не пошла бы петь на сцену. А вот записать диск – почему бы и нет? Я тоже предлагал.

Мама больше не поет. Потому что отец умер.

И... в этом тоже виноват я.

Отец. Первый приступ был, когда стреляли в Тамерлана. Когда враги, притворившиеся друзьями, ворвались в наш дом. Если бы не Рустам, если бы не товарищи Тамерлана – никого из нас не осталось бы в живых. А так...

Только отец. После того как взорвали мою машину.

Это было последней каплей для него. Он думал, что я погиб.

И тут только моя вина.

Я слышу, как мама молится в своей комнате. Просит Бога помочь мне.

Я не хочу помощи. Я заслуживаю то, что имею сейчас.

Почти все время сижу в своей комнате. Тамерлан нанимает каких-то сиделок. Они пытаются уговорить меня на-

чать заниматься, выполнять упражнения, пытаются читать мне какие-то книги.

И очень быстро оказываются на улице.

Только один молодой доктор выдерживает дольше остальных. Мы с ним играем в нарды. Вернее, он играет и за себя, и за меня. И в шахматы тоже играем.

Иногда мне кажется, что я вот-вот умру. Я даже пытаюсь задержать дыхание.

Жду, когда наступит кара.

Но приступ проходит, и я думаю – нет, слишком просто тебе, Илик, взять и умереть.

Слишком просто.

Будешь жить до ста лет. И страдать. Каждый день.

Каждый день сам себе клевать печень, до кровавых мозолей на сердце вспоминать все, что натворил!

А потом...

– Привет. Как ваши дела?

Я не ожидаю, что звук ее голоса может подействовать на меня так.

Словно я действительно умирающий в адовом пекле, и ко мне летит ангел с живой водой.

Надежда. Мой маленький Воробушек!

Меня охватывает такая дикая неконтролируемая радость, что я забываю, что нужно сказать. Молчу. Жду, когда она заговорит.

– А мне Товий Сергеевич сказал, что ваш брат ищет си-

делку. И я предложила...

Сиделку? Значит... она пришла сюда в качестве сиделки? Деньги зарабатывать?

И на меня накатывает ярость, такая же неконтролируемая. Значит, вот оно что! А ты что думал, калека несчастный? Думал, в гости пришел к тебе Воробушек? Навестить? Узнать, как дела? Может... еще раз тебя поцеловать? Урода слепого, с шрамами на щеках?

Столько дней носа не показывала, а тут...

Сиделка...

– Ну давай, отвези меня в душ и помой! Я грязный...

Не сразу понимаю, что мое кресло начинает двигаться. Я в принципе, и сам могу им управлять. Если бы мог видеть – вопросов бы не было вообще. Но... видеть я не могу. И не хочу, в принципе. Так что и ездить самому мне без надобности.

Возит меня мой доктор, Самад, он помогает мне почти во всем. Но быть со мной постоянно не может, поэтому брат и нанимает сиделок. А я их увольняю.

Посмотрим, сколько выдержит этот мелкий воробей.

– Куда ты меня везешь?

– Вы сами просили в душ.

Интересно. И мыть меня будет? Впрочем... ей-то, наверное, все равно, она привыкла. В клинике у нее точно были лежачие больные, которым приходилось помогать.

Передергивает, когда представляю это. Я патологически брезглив. И все процедуры, связанные с личной гигиеной, делаю сам. Слава Богу руки целы. Да и с головой почти все в порядке.

Почти.

Было бы без почти – не устроил бы со своей жизнью и с жизнью близких мне то, что устроил.

Пока я лежал в клинике, брат оборудовал в своем загородном доме все для того, чтобы у меня не было трудностей с коляской. Комната на первом этаже, никаких порогов, широкие расстояния везде, чтобы меня могли провезти.

В комнате моей есть кровать. Стол. Кресло – его обычно занимает Самад, или сиделка. Я, разумеется, ничего этого не вижу. Но мне рассказали, что это есть, показали, где стоит – чтобы я мог спокойно передвигаться по комнате сам, не сшибая мебель.

Сейчас Воробушек везет меня от окна направо, в сторону ванной комнаты с огромной душевой кабиной. В душевой есть специальное сидение, куда я сам могу перебраться с коляски, удерживая вес руками. Подача и температура воды регулируется голосовыми командами.

Мы уже у самой двери ванной, когда я думаю о том, что мне надо бы остановить девчонку, сказать, что я пошутил.

Но в меня явно вселился бес.

Нет, не вселился. Он всегда был во мне. И я не могу изгнать его, несмотря на жуткую кару, которую сам на себя воз-

ложил.

Я думал, мое состояние придаст мне смирения. Куда там!
Демоны во мне бушуют только сильнее.

Мы вкатываемся в душевую. Коляска останавливается.

– А как включить воду?

– Просто скажи – вода.

– Вода. Ой, – в большом пустом помещении раздается звук хрустального колокольчика. Надежда смеется.

Надежда. Нет у меня никакой надежды. И этой скоро не будет.

Я давно живу в мире без иллюзий.

– Она ледяная!

– Скажи – температура девяносто, сваришь меня заживо.

Недостаточно я горел. Мало. Не выжгло пламя во мне всю мою злость, гнев, мерзость, что точит изнутри...

– Зачем вас варить? Вы невкусный. Температура тридцать.

– Будет холодно. Нормальная тридцать шесть, тридцать семь, как температура тела. Или ты не в курсе? Ты же вроде медик?

– Какой я медик? Так... медицинская сестра, с неоконченным средним специальным. Куда мне в температуре разбираться? – чувствую, в ее голосе улыбку. Она иронизирует сама над собой? Интересно.

– Так что? Раздевать меня будешь?

– Зачем? Я вас так помою.

А дальше я ору, но почти сразу затыкаюсь, потому что орать в этой ситуации значит обнаружить свою слабость. И хотя я слабак, показывать это наглой девчонке не собираюсь.

Эта мелкая зараза вкатила меня в душевую кабину! Прямо в коляске! И в одежде!

Вода из тропического душа, закрепленного, видимо, на потолке вмиг превращает меня в человека дождя. Чувствую, как довольно холодные струи текут по голове, лицу, спине, рукам.

Этот холод трезвит немного.

Я перегнул, был с ней груб. Я заслужил.

Слышу ее смех и сначала самому хочется смеяться. Сначала. А потом...

– Очень смешно? Повеселилась?

Смех прекращается. Я сжимаю челюсти.

Что мне стоило посмеяться вместе с ней? Ведь это на самом деле, наверное, смешно?

Я к ней прицепился, она меня вот так вот «умыла» и в прямом и в переносном смысле!

Мне бы прощения попросить и признать – я был не прав.

Но это же я!

Разве я могу признать свою вину?

Я ведь... Я ведь до сих пор все равно считаю, что в истории с Зоей больше виноват Тамерлан! Если бы любил по-настоящему – ни за что бы не повелся на мои бредни, не слушал бы отца, забил бы на историю с кланами, земляками,

на традиции, на чужие обещания. Взял бы Зою, женился бы на ней. Она бы родила наследника, которого потеряла из-за меня...

Хватит думать об этом, Ильяс! Хватит!

Хочу сказать Наде, что сожалею, если обидел, а говорю, конечно, совсем другое.

– Глумиться над слепым инвалидом, конечно, мега круто. Зачет, сиделка.

– Прости меня.

Голосок дрожит. Не хватало ей еще зареветь.

– Вода стоп. – сам останавливаю поток чуть теплого дождичка. Мог бы и сразу это сделать. – Ну, что, Воробей? Теперь тебе точно придется меня раздевать. И вытереть насухо. Везде. Поняла?

Выезжаю из кабины сам, противно от того, что с меня бегут потоки холодной воды.

Я зол. Хочется схватить этого воробья и... Так же засунуть под холодную воду, чтобы остыла.

Но я почему-то не чувствую ее рядом.

– Ты где?

– Здесь. Полотенце ищу.

– Ищешь? Это что, новое развлечение? Полотенца висят на крючках, не надо быть зрячим, чтобы это знать.

– Представьте, не висят. И вообще. Если вы такой умный – берите полотенца и вытирайтесь сами! Я, пожалуй, пойду!

– Что? Эй ты, стой! Стой я сказал.

– Ты сказал? – ого, это что-то новое, она ведь все время была со мной на «вы»? – А кто ты такой, чтобы мной командовать?

Действительно, кто я такой? Чёрт. Окончательно перегнул палку, понимаю. Но... С ней я почему-то постоянно веду себя отвратительно. На грани. Выбешивает она меня знатно! Знаю, что не прав, но остановиться и признать свою неправоту я не могу! Никак...

– Я сказал стоять! Сейчас вызову Тамерлана, и он объяснит тебе кто я такой.

– А без Тамерлана не можешь, да? Может, в этом твоя проблема? Без Тамерлана ты никто?

Да что с ней такое? С цепи сорвалась? Она ведь... она не такая! Не дерзкая, не злая...

Она... просто маленький Воробушек! И я не должен быть с ней резок и груб. Нет, только не сейчас. Не так!

Но ее слова врезаются в мозг как перфоратор в железную арматуру, коварно спрятанную в бетонной стене.

«Без Тамерлана ты никто». Моя самая больная мозоль. Мой триггер!

Я всегда это чувствовал. Всегда, сколько себя помню, жил с пониманием того, что мой брат успешный, умный, сильный. Настоящий глава клана. Будущий глава семьи. Даже, скорее, действующий, потому что именно Тамерлан в свое время спас нашу семью, наш клан от окончательного падения.

Тамерлан номер один. Тамерлан – всё!

А я, Ильяс, никто. Так... золотой мальчик мажор, которому все на блюдечке.

Хочет Ильяс заниматься искусством – да, пожалуйста, от него же никто ничего больше и не ждет.

Хочет Ильяс гулять и веселиться – да, нет проблем, он же младший, от него никаких чудес ждать не приходится.

Хочет Ильяс взяться за что-то серьезное – да зачем тебе это, малыш? Гуляй и веселись! Брат за тебя все решит.

А если я хотел решить сам?

И на это у меня тоже есть ответ. Хотел бы – решал бы! И не принимал бы с удовольствием тот факт, что ты никто, звать никак, золотая молодежь к которой не относятся серьезно, прожигатель жизни!

И я ведь прекрасно помню тот день, когда в брата стреляли. Когда его жизнь висела на волоске! Когда даже веселый балагур доктор Товий сказал серьезно отцу и матери, что все в руках нашего Бога. Как он решит. Его Товия руки больше ничего сделать не могут.

Отец тогда посмотрел на меня. И я все прочитал в его взгляде. Он смотрел с таким разочарованием! Словно жалел, что на операционном столе не я – никчемный младший – а брат. Словно прикидывал, как низко падет наша фамилия, если во главе клана встанет не Тамерлан, старший брат, носящий имя героя, а Ильяс, Илик, младшенький, который так же носит имя младшего брата великого воина.

Мокрая рубашка липнет к телу. Неприятно. Холодно.
Заслужил. Все заслужил.

Сглатываю, потому что в горле ком. Закрыл бы глаза, да они и так закрыты.

– Надежда! Где ты? – тишина. – Надя! Вернись!

– Ильяс! – голос брата доносится из комнаты. – Илик, в чем дело?

Слышу твердые шаги, скрип двери.

– Илик? Ты что? Что случилось?

– Просто... помыться решил.

– В одежде?

– Да. Так веселее.

– Зачем Надежду напугал?

Я напугал? Весело.

Чёрт... пугал я, или не пугал, она ушла. И... скорее всего больше не вернется. Никогда.

И я никогда больше не услышу ее голос. Журчащий ручеек. Чирикание милого, маленького Воробушка.

– Отвали, Там, пожалуйста. Дай полотенце и...

– Я принесла полотенце.

Чик-чирик...

Чирик-чирик! Воробушек!

Еле сдерживаю улыбку, хотя чувствую, что моя губа все-таки дергается.

И слышу словно в ответ очень легкое хмыканье. Нежнее

чем чирикание воробья.

Понимаю, что Там его вряд ли мог уловить. Это не для его ушей. Для моих.

Мои локаторы становятся чувствительнее с каждым днем. Компенсация слепоты. Становлюсь чувствительнее в других местах. Самых разных.

– Надя, я думал... – Тамерлан откашливается, – вы вроде сказали, что работа вам не подходит?

– Я... передумала. – говорит уверенно, но ей снова не удается меня обмануть, я нутром ощущаю внутреннюю вибрацию. – Если только сумма гонорара, которую вы озвучили в силе.

Гонорар, значит! Интересно, сколько же ей Тамерлан посулил?

– А я могу узнать сумму гонорара моей сиделки? Может, это не она за мной, а я за ней ухаживать должен? Вдруг она богаче меня теперь? – ёрничаю, нарочно, чтобы не выдумывала там себе!

– Это конфиденциальная информация, Ильяс. Сиделку нанимаю я, так что, – брат старается казаться суровым и деловым.

– Я и сам могу нанять свой персонал, не так ли, Там? Я же... не нищий? Отец ведь мне что-то оставил?

– Мы обсудим это позже, брат, без свидетелей. А теперь, простите, мне нужно идти.

– До свидания, Тамерлан Александрович.

– Что, даже не посмотришь, как она меня вытирать будет? Доверяешь персоналу с первой минуты?

– Извини, Илик, нет времени.

– Нет времени на ерунду, ты хотел сказать? – цепляю его, зная, что не ответит, но цепляю.

Понимаю, что Там никуда не ушел.

– Хм... Извините, что вмешиваюсь. – снова чик-чирик! – Ильяс Александрович, мне нужно вас раздеть и вытереть полотенцем. Тамерлан Александрович, вы позволите?

Она нарочито вежливая, но в ее голосе ни на йоту смирения! Воробушек показывает, что и у него есть коготочки? Или даже зубки?

– Я сам разденусь и вытрусь! Дай мне полотенце!

– Нет уж. Это моя работа! – чувствую, что она становится ближе. словно горячая волна от нее.

Неожиданно слышу сдавленный смешок брата, словно он ухмыляется в ладошку, пытаюсь сдержаться.

Тамерлан смеется?

Понимаю, что уже долгое время не слышал от него такой искренней реакции. Воробушек и его смогла вывести из зоны комфорта! Молодец!

Нет. Совсем не молодец!

Чувствую, как она расстегивает мокрую рубашку, касаясь моей кожи. Чёрт. Это лишнее.

– Я ушел, счастливо оставаться, Надя. Зайдете ко мне в конце рабочего дня. И... олуха этого тоже прихватите с со-

бой. Есть о чем поговорить. До свидания.

– До свидания. – опять чирикает в ответ, и я тут же снова ощущаю ее теплые ладошки.

– Уйди. Я сказал, что я сам!

– Как хочешь.

Ах, как хочу? Она опять спрашивает, как я хочу? Прекрасно!

Нащупываю ее запястье, хватаю, и резко притягиваю к себе на колени. Надя взвизгивает.

– Что? Мокро?

Глава 8

Звонок Тамерлана меня тогда застал врасплох.

Нет я не забыла про Илика. Разве его можно забыть?

И я не могу сказать, что влюблена в него. Я просто не знаю, как это назвать.

Любовь?

Ну, нет! Я не готова признать, что люблю этого наглого, противного, заносчивого, с отвратительным характером мажорчика!

Мне просто интересно, что с ним? Как он живет? Действительно ли он отказался лечиться и просто уехал домой.

Я видела в клинике доктора Самада, который работает в доме Умаровых. Но спрашивать об Ильясе мне было неловко.

Нет, один раз я себя пересилила, Самад сказал, что недоволен пациентом, ему не нравится состояние Ильяса. Когда пациенту нравится страдать – разве врачу это понравится? Самад считал, что Ильясу нужен весомый повод для того, чтобы вернуться к нормальной жизни.

– Его травмы не критичны. Он мог бы уже встать на ноги. И глаза – там ситуация сложнее, но тоже все решаемо, операции по восстановлению зрения давно и успешно делают во всем мире. С деньгами Умаровых проблем вообще не должно быть. Но, но, но...

Когда Товий Сергеевич предложил мне попробовать себя в качестве сиделки я не раздумывала. Тем более меня сам Тамерлан попросил приехать.

Приехать просто для того, чтобы поговорить, попробовать.

И вот я тут.

Слышу его голос, вижу презрительно сжатые губы. А чувствую...

Почему-то чувствую, что он рад меня... нет, не видеть, конечно. Слышать.

Слышать рад, хоть и пытается убедить в обратном.

И холодный душ ему совсем не помешает.

Нет, в какой-то момент я думаю, что не хочу вот так. Не выдержу его грубых, обидных слов. Не вынесу пренебрежения.

Да уж... поглумилась над слепым калекой? Так он говорит?

Жестоко. И он не прав! Я не глумилась. Я...

Я просто ищу способы вывести его из себя. Вывести из состояния, когда он жалеет себя, лелеет эту свою ущербность.

– Он думает, что наказывает себя таким образом. Считает себя виноватым в том, что случилось с нашей семьей. – Это Тамерлан говорит мне. Я еще толком не знаю, что там у них произошло, старший Умаров не рассказывает все, а я не считаю нужным вспоминать сплетни, которые слышала в клинике.

Если Ильясу будет нужно – если я сделаю так, что ему станет нужно – он сам все расскажет, ведь так?

– Илик считает, что искупает свои вину таким образом. Не думает о том, что от этого нам еще хуже. Мне и маме... Я не знаю, что с ним делать, Надя.

– Разве я смогу чем-то помочь?

– Честно? Я не знаю, Надя. Но я видел, что после ваших визитов в клинику он был... какой-то другой. Словно оживал немного. Почему-то мне кажется общение с вами ему на пользу. Если я ошибаюсь – что ж, вы можете уволиться в любое время. Вернетесь в клинику под крылышко к Товию.

Я не могу сдержать смешок. Тамерлан смотрит удивленно. Потом видит справку с моей фамилией и с фамилией Товия Сергеевича.

– Воробьева Надежда и... Коршунов Товий Сергеевич?

Да уж, Воробей и Коршун – это были прозвища моего отца и его лучшего друга. Только Товий раньше шутил, что он Коршун под крылом у Воробья.

Я уверена, что у нас с Иликом не получится никакого общения. Не знаю почему.

И выхожу из ванной с мыслями, что нужно сразу литься отсюда.

В коридоре вижу Тамерлана, он по выражению моего лица понимает, что что-то со мной не так, извиняется, обещает оплатить неустойку, а я...

Я спускаюсь вниз и прошу у горничной дать мне пару

больших банных полотенец.

Ох, если бы я знала, что Илик решил мне отомстить!

Мне же... мокро! Реально! И холодно!

И...

Он что, щекочет меня? Вот же...

Пытаюсь вскочить, но он не отпускает.

– Чем от тебя пахнет? – Почувствовал? Ну да, я купила духи, легкие, с цитрусовым ароматом. – Вкусно... похоже на... средство для мытья посуды. С лимоном.

Вот же... гад!

– Неужели Ильяс Умаров когда-то мыл посуду?

– Срыв шаблонов, да, Воробушек?

– Да, волчонок.

– С чего это вдруг я волчонок?

– Злой, потому что, и наглый. Пустите.

– Мы вроде на «ты» нет?

– Нет. Пустите, я вся мокрая, а переодеться мне не во что.

– Значит надо раздеться, и высушить твоё платье. Ты же в платье?

Очень опрометчиво, но именно в нем.

– Раздеться, говорите? – почему бы и нет?

Мне удастся соскочить с его колен, и я... начинаю расстегивать пуговицы на платье, зная, что он услышит, почувствует.

– Ты... что делаешь, Надежда? – голос у него хриплый.

– Вы же сами сказали, что не надо раздеться? Я раздева-

юсь!

Что, съел?

В мокрой одежде, конечно, очень неприятно, но, разумеется, я еще не сошла с ума, чтобы раздеваться при Ильясе!

Да, я знаю, что он не может меня увидеть. Но все равно. Я-то его вижу!

И... я еще никогда не раздевалась при мужчине. Да и вообще, при чужих людях я максимум в купальнике ходила. Даже когда жила с девчонками в общежитии и потом, когда мы стали снимать квартиру на двоих с однокурсницей. Она смеялась надо мной, называя «скромняшкой», а я...

Просто не могла.

Были причины. Неприятные. Такие, которые не забываются, хоть и стараешься запихнуть их в самый дальний уголок сундука своей памяти.

Надо сказать Илику, что я пошутила. Но в меня словно бесенок вселился!

Украл милого Воробушка и занял его место!

Вижу, как напряженно сжимаются его челюсти.

– Ну, ты уже, или как?

– Уже что? – стараюсь не дышать, понимая, что Илик меня раскусит.

Нет уж! Пусть думает, что я реально стою перед ним в чем мать родила.

– Сняла все мокрое? А то мало ли... подхватишь воспа-

ление легких и привет.

– Заботитесь о моем здоровье, Ильяс Александрович?

– Ну, ты, как-никак... обслуживающий персонал. Я как достойный работодатель, обязан...

– Не обязаны, – перебиваю, точно бесенок во мне! – И я не ваш обслуживающий персонал. Меня нанял ваш брат, так что... Я его персонал. А для вас я просто мебель. Так что не обращайтесь на меня внимания.

– Мебель? Прекрасно. Знаешь что, табуретка, подойди ближе. Мне помощь нужна.

– Табуретки ходить не умеют.

– Хорошо... кресло на колесиках, двигай ближе, я не могу стянуть футболку.

– А волшебное слово?

– А разве оно нужно мебели?

– Оно нужно всем, Ильяс Александрович.

– Еще раз назовешь меня так, я за себя не отвечаю!

– И что вы мне сделаете? – усмехаюсь, и тут же закусываю губу. Не хочу, чтобы он меня неправильно понял. – Извините...

Слово вырывается само собой. Похоже, бесенок во мне долго не выдерживает. Глупый Воробушек его все же вытесняет.

– Что сделаю? – хмыкает и... улыбается довольно? – подойди, узнаешь.

Не знаю почему я делаю шаг вперед и... снова оказываюсь

притянутой на его мокрые коленки!

И снова не могу признаться себе в том, что мне этого очень сильно хотелось.

– Лгунишка ты, Воробушек.

– Почему?

– Все еще одета.

– Просто не успела все пуговицы расстегнуть. Вы пристали с вашими приказами.

– Тебе помочь?

– Что? – в горле пересыхает.

– Расстегнуть?

– Не стоит. Не надо трогать чехлы на мебели. Целее будут.

– Целее? – кажется он как-то по-своему трактует мои слова. И когда я соображаю, как именно – жар прокатывается по венам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.